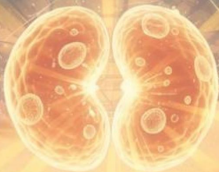

МИТОЗ

Игорь Таланов

МИТОЗ

<https://litres.ru/73805277>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он приходит в себя на центральной площади незнакомого города. Вокруг толпа, нацеленные камеры и невидимый купол, из которого нет выхода. Память стёрта. Имя, прошлое, семья - ничего не осталось, лишь смутное эхо в голове. На гигантских экранах запущен обратный отсчёт, а в центре арены оживают механизмы смертельной полосы препятствий.

Скоро он узнает правду, которая тяжелее амнезии: человечество утратило способность к размножению. Сама жизнь остановилась на клеточном уровне, и учёные бессильны. Пройти это испытание - единственный шанс вернуть людям будущее. Но правила игры диктуют не люди, а таинственные кураторы. Чтобы победить, герою предстоит не просто выжить в лабиринте чужих технологий. Ему придётся собрать себя и отыскать женщину, чей голос стал его единственной опорой в этом кошмаре. Если он доберётся до разгадки, главный вопрос останется: какую цену придётся заплатить и что он будет помнить, когда всё закончится?

Эпичный сай-фай триллер о любви, памяти и будущем человечества.

Игорь Таланов

Митоз

Глава 1. Пробуждение в нуле

Сознание вернулось не вспышкой, а медленным, вязким просачиванием сквозь толщу черной воды. Сначала пришел звук — приглушенный, будто уши заложило ватой. Гул голосов. Много голосов. Затем — запах: нагретый камень, пыль, озон, как после грозы, и что-то сладковатое, похожее на го-

рельный сахар.

Адам Керн открыл глаза и тут же зажмурился от яркого дневного света. Щека ощущала шершавую прохладу брусчатки. Он лежал на боку, неловко подвернув под себя левую руку, пальцы правой были растопырены и касались холодного гранита.

Он попытался вспомнить, как здесь оказался.

Ничего.

Абсолютная, звенящая пустота на месте вчерашнего дня, прошлой недели, всей предыдущей жизни. Только базовый набор рефлексов и слов. Он знал, что такое «площадь», «небо», «толпа», но не знал, кто он.

Паника подступила к горлу плотным комком, но он заставил себя сесть. Тело слушалось. Это уже что-то.

Вокруг действительно была площадь — широкая, залитая полуденным солнцем, окруженная безликими зданиями из стекла и бетона. Архитектура казалась смутно знакомой, универсальной, как фон для рекламного ролика: любой город, любая страна, любое столетие. Ни одной приметной детали, по которой можно было бы опознать место. Над головой — ярко-синее небо с редкими облаками, но что-то в нем было не так. Слишком равномерный цвет. Слишком правильные облака.

В центре площади возвышались конструкции. Причудливые, громоздкие, лишённые всякого эстетического смысла. Бетонные блоки разной высоты, наклонные платформы,

стальные балки, образующие подобие гигантского лабиринта, стена с выступами для скалолазания, ров с мутной водой, мерцающей неестественным зеленоватым светом. В дальнем конце угадывались какие-то массивные ворота или порталы, закрытые металлическими жалюзи.

Полоса препятствий. Гигантский игровой полигон.

А вокруг полигона — толпа. Сотни людей стояли плотным кольцом на почтительном расстоянии, прижимаясь к фасадам зданий. Они смотрели. Не на конструкции. На него.

— Эй! — голос сорвался на хрип. Адам поднялся на ноги, пошатываясь. — Где я? Что это за место?

Толпа не ответила. Люди перешептывались, некоторые поднимали телефоны, снимая его на камеру. На их лицах читалась смесь ужаса, любопытства и странного, почти религиозного трепета. Никто не пытался подойти ближе.

Он сделал шаг к ближайшему ряду зрителей — к женщине в сером плаще, которая прижимала к груди маленькую девочку.

Воздух перед ним вдруг уплотнился, словно в него врезали невидимую стену из закаленного стекла. Адам вскинул руку и коснулся преграды. Ладонь уперлась в прохладную, идеально гладкую поверхность, которой не было видно глазу. Он надавил — стена не поддалась ни на миллиметр. Тогда он ударил кулаком.

Вспышка боли. Искра.

По невидимой поверхности пробежала рябь — на мгно-

вание проступила геометрическая сетка из тончайших силовых линий, светящихся бледно-голубым. А его ладонь обожгло так, словно он схватился за раскаленную конфорку. Адам отдернул руку, шипя от боли. На коже вздувались волдыри.

Купол. Он внутри купола.

— Выпустите меня! — закричал он, поворачиваясь к другой стороне площади. — Я не знаю, как сюда попал! Выпустите!

Ответом была тишина, нарушаемая лишь гулом толпы за барьером. И тут включились экраны.

Огромные панели, вмонтированные в стены окружающих зданий, одновременно вспыхнули. Сначала пошел белый шум, рябь помех, а затем на всех экранах появилось одно и то же изображение: его лицо. Крупным планом. Испуганное, с безумными глазами и всклокоченными темными волосами. В углу экрана горели красные цифры:

167:59:58

167:59:57

167:59:56

Обратный отсчет. Часы, минуты, секунды. Почти семь дней.

Адам замер, глядя на свое собственное лицо на гигантском экране. В голове была пустота, но где-то на самом дне этой пустоты, в вязкой темноте, что-то шевельнулось. Не мысль, не воспоминание — ощущение. Словно кто-то дру-

гой, не он, провел ледяным пальцем по внутренней стороне его черепа.

Он снова посмотрел на полосу препятствий. Теперь он видел ее иначе. Это был не просто лабиринт или спортивный комплекс. Это была арена. Гладиаторская арена, построенная не людьми и не для людей. Слишком чуждые пропорции, слишком странные материалы. Некоторые блоки парили в нескольких сантиметрах над землей без всякой видимой опоры. Вода во рву светилась сама по себе.

Что я должен здесь делать?

Вопрос еще не успел полностью оформиться в сознании, как пришел ответ. Не словами, а внезапным знанием, вспыхнувшим в мозгу подобно электрическому разряду: *пройти. пройти испытание. пройти или все закончится.*

Адам сжал виски ладонями. Это не было его собственной мыслью. Ее кто-то вложил. Или что-то.

И в этом же импульсе, на грани слышимости, он уловил женский голос. Невероятно далекий, искаженный помехами, словно радиосигнал с умирающей звезды. Всего три слова:

«Не думай. Вспоминай телом.»

Он резко обернулся, хотя понимал, что искать источник звука внутри замкнутого купола бессмысленно. Но инстинкт оказался сильнее. На мгновение, буквально на долю секунды, в отражении витрины ближайшего здания он увидел не свое лицо, а женское. Бледное, с резкими скулами, огромными серыми глазами и короткими, почти белыми волосами.

Губы женщины шевелились, повторяя ту же фразу.

А потом видение исчезло. В стекле отражался только он сам — мужчина лет тридцати семи, в измятой темной футболке и джинсах, с недельной щетиной и затравленным взглядом. Обычный. Ничем не примечательный. Никто.

Таймер на экране отсчитывал секунды.

167:57:04

167:57:03

В центре арены что-то заскрежетало. Одна из металлических стен поползла в сторону, открывая темный провал. Оттуда пахло холодом и озоном — тем самым сладковатым запахом горелого сахара. В глубине провала зажглись два красных огонька. Глаза.

Адам Керн, человек без прошлого, стоял в самом центре чужой игры, где на кону было нечто большее, чем его жизнь. Но он еще не знал — что именно.

Он знал только, что обратный отсчет начался.

И что-то внутри него, глубоко под слоем амнезии, начало медленно, мучительно просыпаться.

Глава 2. Голос в статике

Темный провал в стене напоминал распахнутую пасть. Красные огоньки в глубине дрогнули, сместились — и из мрака, в свет неестественно яркого дня, вышло существо.

Сначала показалась голова — вытянутая, угловатая, покрытая не то хитином, не то полированным металлом. Шеи не было: голова плавно переходила в плечевой пояс, усажен-

ный короткими шипами. Четыре конечности, каждая заканчивалась тремя длинными пальцами-лезвиями. Существо передвигалось на задних лапах, но его походка была дерганой, механической, словно у сломанной марионетки, которую кто-то пытается вести за ниточки.

Оно вышло на свет полностью, замерло, и Адам увидел, что это не живое создание. Механизм. Там, где должны были быть суставы, поблескивали шестеренки и гидравлические поршни. Глаза — два рубиновых фотоэлемента, без зрачков, без век. Грудная клетка — прозрачный пластиковый кожух, внутри которого пульсировало что-то, похожее на сгусток жидкого огня.

Толпа за куполом ахнула. Кто-то закричал. Мать в сером плаще закрыла дочери глаза ладонью.

Механический монстр сделал шаг. Второй. Его лезвия царапнули каменные плиты, высекая искры. Адам инстинктивно попятился, пока спина не уперлась в невидимую стену купола. Ожог на ладони напомнил о себе резкой болью.

«Бежать некуда. Я заперт здесь с этой тварью.»

И в тот же миг — снова вспышка. Не перед глазами, а где-то внутри черепной коробки. Чужеродное знание, острое и холодное, вонзилось в мозг:

*«Модель 7-Кси. Патрульный дрон класса «Цербер». Уязвимости: сочленение третьего шейного позвонка. Брюшная полость — резервуар с катализатором, при повреждении — детонация. Рекомендуемая тактика: уклонение, поиск укры-

тия, точечный удар по управляющему контуру.»*

Адам тряхнул головой, пытаясь вытряхнуть чужие слова. Откуда?! Он не знал, что такое «7-Кси» или «Патрульный дрон». Он вообще не помнил, учился ли в школе. Но информация была здесь, ясная и четкая, словно кто-то вставил ему в голову флешку с инструкцией.

«Не думай. Вспоминай телом.»

Женский голос. Тот самый, из первого импульса. Теперь он звучал чуть громче, чуть ближе. Адам огляделся, но, разумеется, никого не увидел.

Механический пес — или как там его назвал голос — рванул вперед.

Адам едва успел отшатнуться. Лезвия просвистели в сантиметре от его груди, распоров воздух и футболку. Он упал на спину, больно ударившись локтями о брусчатку, и перекатился в сторону за секунду до того, как лапа-нож вонзилась в то место, где только что была его голова. Каменная крошка брызнула в лицо.

«Третий шейный позвонок! Где у этой хреновины шея?! У нее вообще нет шеи!»

Голос в голове молчал. Помощь пришла иначе: Адам вдруг увидел — не глазами, а каким-то внутренним зрением — схему конструкции. Полупрозрачную, светящуюся, с обозначенными красным узлами соединений. «Сочленение третьего шейного позвонка» на схеме находилось там, где голова монстра переходила в плечи — узкий зазор между двумя

пластинами брони, прикрытый гибким кожухом.

Он вскочил на ноги. Монстр уже разворачивался, его движения были неестественно быстрыми для такой массивной туши.

«Мне нечем его ударить. У меня нет оружия. Я даже камня поднять не успею.»

Дрон снова прыгнул. На этот раз Адам не стал уклоняться назад — он шагнул вперед и вбок, пропуская тушу мимо себя, и, повинаясь не рассудку, а какой-то глубинной мышечной памяти, ударил локтем в то самое сочленение. Просто ударил. Без надежды на успех.

Раздался хруст. Не металлический, а скорее пластиковый, словно треснула толстая пластмассовая деталь. Монстр взвизгнул — звук был похож на помехи в старом телевизоре — и завалился на бок. Его конечности конвульсивно задержались, лезвия бессильно царапали камни.

Адам стоял, тяжело дыша, и смотрел на поверженного врага. Локоть ныл от боли, но, кажется, кость была цела. Он ждал, что монстр поднимется. Тот не поднимался. Вместо этого в его груди, за прозрачным кожухом, жидкость начала менять цвет с оранжевого на ярко-алый.

«Детонация!» — вспыхнуло в мозгу. — «Беги!»

Он побежал. Не разбирая дороги, через лабиринт бетонных блоков и парящих платформ, подальше от умирающего дрона. За спиной раздался глухой хлопок, потом — шипение, и волна горячего воздуха толкнула в спину. Адам спо-

ткнулся, упал на колени, закрыл голову руками. На него посыпались какие-то мелкие обломки, но ничего серьезного.

Когда он рискнул оглянуться, на месте монстра было только черное пятно копоти и оплавленный остов. Резервуар выгорел, не взорвавшись в полную силу.

Толпа за куполом взревела. Люди аплодировали, свистели, что-то кричали. Адам с трудом поднялся на ноги. Его трясло. Колени подгибались. В висках стучало.

На огромных экранах его лицо сменилось схематичным изображением арены. В левом верхнем углу появилась надпись: «Испытание 1: пройдено. Протокол: успех. Время: 00:03:47». Таймер продолжал отсчитывать секунды, но теперь под ним горела новая строка: «Следующее испытание через: 00:09:12».

Девять минут передышки.

Адам доковылял до ближайшего бетонного блока и тяжело опустился на него, свесив руки между колен. Ладони дрожали. На правой, той, что коснулась купола, вздулись волдыри ожога, но боли он почти не чувствовал — адреналин пока глушил все ощущения.

«Кто я? Что я такое? Почему я умею драться с инопланетными боевыми дронами, но не помню собственного имени?»
— У тебя девять минут, — произнес голос.

Адам вздрогнул и вскинул голову. Рядом никого не было. Голос звучал прямо в голове, но на этот раз четко, без помех, словно женщина стояла у него за плечом.

— Кто ты? — спросил он вслух, уже не надеясь, что кто-то кроме невидимого собеседника его услышит. — Где я? Что это за игра?

— Игра? — в голосе послышалась горькая усмешка. — Ты называешь это игрой?

— А как это еще назвать? Полоса препятствий, монстры, таймер на экране...

— Это тест. Ты — тестируемый. И если ты провалишься, человечество закончится. Не сразу. Не завтра. Но оно закончится.

Адам замер. Холод пополз по позвоночнику, несмотря на палящее солнце над головой.

— О чем ты говоришь?

— Время истекло для объяснений. Следующее испытание сложнее. Слушай меня внимательно, Адам. Ты должен...

— Адам? — перебил он. — Меня зовут Адам?

Пауза. Затем тихое:

— Да. Адам Керн. Тебе тридцать семь лет. Ты биофизик. Неудачник-биофизик, если быть точной. Но сейчас это не важно. Важно, что ты — единственный, кто может пройти этот тест. Не потому что ты самый умный или сильный. Потому что ты — пустой.

— Пустой?

— У тебя нет прошлого, которое могло бы тебя отвлечь. Нет семьи, за которую ты будешь цепляться. Нет страха потери. Кураторы выбрали тебя именно поэтому. Ты — чистый

лист. Идеальный кандидат.

Кураторы. Еще одно слово, которое ничего ему не говорило, но отзывалось где-то на границе сознания смутной тревогой.

— Почему я должен тебе верить?

— Потому что я — единственная причина, по которой ты до сих пор жив. Я загрузила в твой мозг схему дрона. Я подсказала, куда бить. Без меня ты был бы нашинкован на ломтики еще три минуты назад.

Адам потер виски. Голова начинала болеть.

— Что будет во втором испытании?

— Не знаю точно. Кураторы меняют протокол. Но, судя по паттерну, дальше будет не физика. Логика. Загадки. Они проверяют не твои мышцы, Адам. Они проверяют твою способность адаптироваться. Учиться. Быть человеком в самом широком смысле этого слова.

На экранах таймер сменился на: «Испытание 2: подготовка. Осталось 00:04:01».

— У меня нет ответов на все твои вопросы, — продолжал голос. — Я даже не уверена, что мы с тобой действительно разговариваем, а не транслируем этот диалог в пустоту. Но пока ты слышишь меня — слушайся. Делай, что я говорю. И, возможно, у нас есть шанс.

— У «нас»? Ты тоже человек?

Снова пауза. На этот раз долгая, почти на полминуты. Адам уже решил, что связь прервалась, когда голос вернул-

ся, едва слышный, словно издалека:

— Я была человеком. Очень давно. Теперь я — голос. Твой голос. Больше не спрашивай. Береги силы.

И тишина.

Таймер на экране отсчитывал последние минуты. Адам Керн, биофизик-неудачник, человек без прошлого, сидел на бетонном блоке посреди инопланетной арены и смотрел, как в дальнем конце полосы препятствий открываются новые ворота. На этот раз — высокие, стрельчатые, похожие на вход в готический собор. Изнутри лился мягкий, золотистый свет, совершенно не вязавшийся с угрожающей атмосферой первого испытания.

Следующее испытание ждало.

И, кажется, оно собиралось задавать вопросы.

Глава 3. Первая кровь

Золотистый свет в глубине стрельчатой арки дрожал и переливался, словно там, за порогом, горело жидкое солнце. Адам поднялся с бетонного блока, чувствуя, как ноет каждая мышца. Девять минут отдыха пролетели, как девять секунд. Локоть, которым он ударил дрона, распух и пульсировал тупой болью. Ожог на ладони покрылся мутными волдырями. Он был не в форме для нового испытания. Но выбора не было.

Таймер на экране обнулится. Вместо цифр появилась надпись, пульсирующая алым:

«Испытание 2. Протокол: КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ. Войдите.»

Толпа за куполом затихла. Даже младенец на руках у женщины в сером плаще перестал плакать, словно почувствовав, что сейчас произойдет нечто важное. Адам глубоко вдохнул и шагнул в арку.

Переход был мгновенным и дезориентирующим. Не было ощущения движения, просто в один момент он стоял на залитой солнцем площади, а в следующий — оказался в огромном пустом зале. Стены, пол, потолок — всё было выдержано в оттенках белого и светло-серого, без единого шва или стыка. Материал напоминал то ли пластик, то ли кость, то ли застывшую слюду. В центре зала, в круге более темного пола, стоял простой деревянный стол и два стула. На столе — шахматная доска. Фигуры уже расставлены.

Адам подошел ближе. Доска была самая обыкновенная, деревянная, с потертыми краями — странный контраст со стерильным совершенством зала. Фигуры тоже классические: черные и белые, резные, тяжелые. Он протянул руку к ближайшей — белому коню — и замер.

Он не знал, как играть в шахматы.

То есть он понимал, что это за игра, знал, что фигуры называются король, ферзь, ладья, но правила... Пустота. Чистый лист.

«Ну конечно, — подумал он с горькой иронией. — Биофизик-неудачник, который не помнит даже таблицы Менде-

леева, должен решать шахматные задачи.»

В воздухе перед ним материализовалась надпись — голографическая, чуть подрагивающая:

«УСЛОВИЕ: Белые начинают. Мат в три хода. Время на решение: 00:05:00. Начало по первому касанию фигуры.»

Пять минут. Чтобы найти мат в три хода в позиции, которую он даже оценить не может. Адам опустился на стул, не отрывая взгляда от доски. Фигуры стояли в незнакомом порядке — явно не начальная расстановка, а какая-то сложная середина партии.

«Не думай. Вспоминай телом.»

Голос вернулся так же внезапно, как и в первый раз. Но теперь в нем слышалось напряжение.

— Я не знаю шахмат, — прошептал Адам. — Я не помню правил.

«Ты не помнишь сознанием. Но твое тело помнит. Твои нейронные связи. Доверься им.»

— Это безумие.

«Безумие — сидеть и ждать, пока истечет время. Просто коснись фигуры. Позволь себе не думать.»

Адам посмотрел на свою правую руку. Пальцы всё еще дрожали после схватки с дроном. Волдыри на ладони натянулись, готовые лопнуть. Он медленно, словно преодолевая сопротивление воды, протянул руку к белому ферзю.

Касание.

Мир взорвался.

Это не было похоже на обучение или на вспышку интуиции. Это было вторжение. В его сознание хлынул поток информации — образы, паттерны, векторы атак и защит, просчитанные на десятки ходов вперед. Он видел доску не глазами, а каким-то новым органом чувств: каждая фигура пульсировала линиями возможных перемещений, поле боя превратилось в трехмерную карту угроз и возможностей. Это было не понимание шахмат. Это было обладание шахматами, как языком, как способом мышления, как второй натурой.

Его рука, больше не принадлежащая ему, взяла белого ферзя и передвинула на f6.

Жертва ферзя.

Черные ответили автоматически — король взял ферзя. Рука Адама уже двигала ладью на d8. Шах. Черный король отступил на e7. Белый слон пошел на g5.

Мат.

Три хода. Ровно три.

Голографическая надпись сменилась:

«РЕШЕНИЕ: Принято. Время: 00:00:47. Протокол: УСПЕХ.»

Адам отдернул руку от доски, словно обжегшись. Поток информации схлынул так же резко, как и появился, оставив после себя гулкую пустоту и слабость во всем теле. Он тяжело дышал, глядя на шахматную доску, где белые фигуры

замерли в победной позиции.

«Хорошо, — голос в голове звучал с облегчением. — Очень хорошо. Твоя нейропластичность выше, чем я рассчитывала.»

— Что ты со мной сделала? — выдавил Адам. — Это было не мое знание. Ты загрузила его в меня, как загрузила схему дрона.

«Я ничего не загружала, Адам. Я только открыла дверь. То, что ты чувствовал — это твои собственные нейронные связи. Где-то в твоём прошлом, до амнезии, ты знал шахматы. Очень хорошо знал. Даже слишком хорошо. Я просто помогла тебе вспомнить путь к этому знанию.»

— Но я не помню, чтобы я...

«Именно. Ты не помнишь. В этом и суть. Амнезия не стерла твои навыки, она только заблокировала доступ к ним. Кураторы не выбирали пустого человека, Адам. Они выбрали человека, чья пустота — это сейф с запертыми инструментами. И я — ключ.»

Стены зала дрогнули. Шахматная доска, стол, стулья — всё начало истаивать, растворяться в воздухе, как утренний туман. Через несколько секунд Адам снова стоял на залитой солнцем площади, в нескольких метрах от стрельчатой арки, которая теперь исчезла без следа. Толпа за куполом разразилась аплодисментами. На экранах горело:

«Испытание 2: пройдено. Время: 00:00:47. Протокол: ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ УСПЕХ.»

Адам не чувствовал радости. Только усталость и растущее, грызущее изнутри беспокойство. Если голос говорит правду, то его амнезия — не случайность. Его выбрали. Специально. И те знания, что спрятаны в его голове, могут оказаться не только шахматами.

— Что дальше? — спросил он вслух, глядя в небо, будто там мог скрываться невидимый собеседник.

«Дальше — проверка физики. Не знаний. Способности применять знания в движении. Будет больно. И быстро. Я не смогу помочь тебе в реальном времени, Адам. Только до того, как начнется.»

— Почему?

«Потому что Кураторы сканируют эфир. Каждый раз, когда я передаю тебе данные во время испытания, они могут засечь мой сигнал. Если они найдут меня...»

Голос прервался.

— Что? Если найдут — что?

«Если найдут, я исчезну. И ты останешься один. По-настоящему один, без подсказок, без знаний. Сырой материал против отлаженной системы. И тогда... тогда человечество проиграет. Окончательно.»

На площади снова что-то заскрежетало. В центре арены, прямо из брусчатки, начали подниматься конструкции. Не те, что были раньше — новые. Три платформы, парящие на разной высоте, соединенные узкими балками-переходами. На каждой платформе — механизмы. На первой — нечто по-

хожее на гигантский метроном, только вместо маятника — вращающийся диск с острыми краями. На второй — сетка из лазерных лучей, перекрещивающихся в хаотичном, но явно просчитанном порядке. На третьей — закрытый контейнер, из которого доносился низкий, вибрирующий гул.

«Слушай внимательно, — голос зазвучал торопливо, сбивчиво. — Это тест на кинетический интеллект. Тебе нужно пройти все три платформы за отведенное время. На каждой — свой физический закон. Первая — момент инерции. Диск вращается с ускорением. Ты должен рассчитать точку входа и двигаться строго по касательной. Вторая — дифракция. Лучи лазеров — это волны, Адам. Они ведут себя как свет в узкой щели. Если ты пойдешь по прямой — сгоришь. Если поймешь паттерн интерференции — пройдешь. Третья... я не знаю, что в контейнере. Кураторы заблокировали мои сенсоры. Будь готов ко всему.»

Адам смотрел на парящие платформы. Его ладони вспотели. Ожог пульсировал.

— Сколько времени?

«Три минуты на всё. Таймер запустится, как только ты коснешься первой платформы. И еще кое-что, Адам...»

— Что?

«В контейнере на третьей платформе — живое. Я чувствую биосигнатуру. Очень слабую, но живую. Это не механизм. Это организм. Будь осторожен.»

Живое. После механического дрона и бездушной шахмат-

ной доски — что-то живое. Адам не знал, пугает его это или, наоборот, дает странную надежду. По крайней мере, с живым существом можно попытаться... что? Договориться? Обмануть? Понять?

Он подошел к краю первой платформы. Она парила в полуметре над землей, слегка покачиваясь, хотя никакого ветра под куполом не было. Диск-маятник вращался с негромким гудением, его острые края рассекали воздух с едва слышным свистом.

Таймер на экранах сменился:

«Испытание 3. Протокол: КИНЕТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ. Время: 00:03:00. Старт по контакту.»

Адам глубоко вдохнул. Выдохнул. И шагнул на платформу.

Глава 4. Право на размножение

Платформа качнулась под ногами Адама, и в тот же миг таймер на экране ожил, заструились красные цифры: 02:59, 02:58, 02:57. Диск-маятник в центре платформы ускорил вращение, его острое лезвие рассекло воздух со свистом, и Адам почувствовал, как ветер от движения ударил в лицо.

Момент инерции. Точка входа. Касательная.

Слова, загруженные голосом перед началом, всплыли в сознании, но сейчас они были лишь абстракцией. Нужно было действовать. Адам пригнулся, оценивая траекторию вращающегося диска. Тот двигался не с постоянной скоростью — каждые несколько секунд рывок, ускорение, затем корот-

кая пауза, и снова рывок. Ритм. Нужно найти ритм.

Он смотрел на диск, и вдруг его внутреннее зрение, то самое, что помогло в шахматной задаче, начало просыпаться снова. Линии движения, векторы сил, узлы ускорений — всё это наложилось на реальность полупрозрачной сеткой. Адам увидел: диск проходит полный оборот за две секунды, но каждые четыре оборота делает дополнительный рывок на четверть оборота. Паттерн. Музыка движения.

Толпа за куполом замерла. Никто не дышал.

Адам выждал момент, когда диск завершил рывок и вошел в фазу равномерного вращения, и бросился вперед. Не к диску — к краю платформы, туда, где парящий переход вел на вторую платформу. Его путь пересекал траекторию лезвия под острым углом. Касательная. Он бежал, чувствуя, как ветер от диска хлещет по щеке, как холод металла проносится в миллиметре от плеча. Один неверный шаг, одна заминка — и его разрубит пополам.

Но тело знало, что делать. Мышцы помнили то, что забыл разум. Он нырнул под лезвие, перекатился через плечо, вскочил на ноги уже у самого края платформы и прыгнул на узкую балку перехода.

Таймер показывал 02:31. Почти полминуты на первую платформу.

«Хорошо, — мелькнула мысль. — Я быстрее, чем они считывали.»

Вторая платформа встретила его сеткой лазерных лучей.

Они были едва видимы — тонкие алые нити, перекрещивающиеся в пространстве, словно кто-то натянул паутину из света. Паттерн казался хаотичным, но Адам уже знал: хаоса здесь нет. Есть дифракция. Интерференция. Волны.

Он замер на краю, вглядываясь в переплетение лучей. Лазеры двигались — медленно, плавно, меняя углы и интенсивность. И вдруг понял. Это были не обычные лазеры. Обычный луч разрезает всё на своем пути независимо от фазы. Но эти лучи вели себя иначе — они уничтожали материю только в момент пикового выброса энергии, когда волны складывались в конструктивную фазу. А в промежутках, на доли секунды, когда фаза переходила в нулевую, луч становился безопасным — пустой оболочкой света без разрушительной силы. Моргание. Стробоскоп. Нужно было видеть не лучи, а паузы между их вспышками.

Ты не думай. Вспоминай телом.

Адам закрыл глаза. Это казалось безумием — закрыть глаза перед паутиной смертоносных лучей. Но он доверился. Где-то глубоко, на уровне спинного мозга, жило знание волновой физики. Когда-то он изучал это. Когда-то он понимал свет как ритм.

Открыв глаза, он уже видел. Не сплошную паутину — а мигающие промежутки. Щели в сетке, которые открывались одна за другой на доли секунды, образуя извилистый путь через платформу. Адам глубоко вдохнул и шагнул в первый промежуток.

Лазерный луч полыхнул в сантиметре от его виска — но в тот момент, когда тело Адама пересекало его, луч был в нулевой фазе, безвредный, как карманный фонарик. Второй шаг — луч мелькнул у локтя, тоже в безопасной паузе. Третий — он пригнулся, пропуская над головой перекрестие вспышек. Четвертый — прыжок, потому что окно открывалось в полуметре над полом. Он летел, чувствуя, как время замедляется, как каждый всплеск света становится осязаемым, и приземлился на колени уже у выхода с платформы.

02:04.

Позади лучи сомкнулись в непрерывную стену — фаза выровнялась, и путь, которым он прошел, исчез. Впереди была третья платформа, и на ней — закрытый контейнер. Гул, доносившийся изнутри, стал громче. Теперь в нем слышались низкие, вибрирующие ноты, почти инфразвук, от которого закладывало уши.

Адам подошел к контейнеру. Тот был размером с большой холодильник, сделан из того же странного материала, что и стены зала с шахматами, — то ли пластик, то ли кость, то ли застывшая слюда. На передней панели не было ни ручек, ни замков, ни кнопок. Только гладкая поверхность.

«Живое. Биосигнатура. Будь осторожен.»

Он коснулся контейнера ладонью. Поверхность была теплой и чуть вибрировала, словно внутри билось огромное сердце. И в тот же миг передняя стенка контейнера стала прозрачной.

Внутри, в полумраке, освещенное лишь тусклым аварийным светом, лежало существо. Оно было ранено. Адам видел это сразу — по тому, как неестественно вывернута одна из конечностей, по темной жидкости, сочащейся из глубокой раны на боку, по прерывистому, судорожному дыханию.

Существо напоминало одновременно волка и птицу. Четыре лапы, покрытые короткой серебристой шерстью, длинная гибкая шея, голова с вытянутой мордой и большими, невероятно выразительными глазами. Глаза были янтарными, с вертикальными зрачками, и сейчас они смотрели прямо на Адама. В них не было агрессии. Только боль. И ожидание.

Чего? Смерти? Помощи?

На экране над платформой вспыхнула надпись:

«ФИНАЛЬНЫЙ ЭТАП. СДЕЛАЙТЕ ВЫБОР.»

И ниже, две строки, пульсирующие разными цветами:

**«ЛЕВАЯ ПАНЕЛЬ: УНИЧТОЖИТЬ СУЩЕСТВО.
ТЕСТ ЗАВЕРШЕН.»**

**«ПРАВАЯ ПАНЕЛЬ: ОСВОБОДИТЬ СУЩЕСТВО.
ПОСЛЕДСТВИЯ НЕИЗВЕСТНЫ.»**

Адам уставился на надпись. Выбор? После всего — просто выбор? Убей или отпусти? Что это за тест такой?

«Голос, — позвал он мысленно. — Что мне делать?»

Тишина. Только гул контейнера и прерывистое дыхание раненого зверя.

«Пожалуйста. Я не знаю, что правильно.»

Ничего. Кураторы сканируют эфир. Голос не может ответить.

Адам снова посмотрел на существо. Оно моргнуло медленно, словно понимая, что решается его судьба. Из раны на боку продолжала сочиться темная жидкость — не кровь, что-то более вязкое, похожее на ртуть. Зверь умирал. Медленно, мучительно. И этот тест предлагал либо добить, либо отпустить, но что значит «освободить»? Выпустить сюда, на платформу? В купол? И что тогда?

Таймер отсчитывал секунды: 01:47, 01:46, 01:45.

Что бы сделал человек? Настоящий человек, а не подопытный в чужой игре?

Ответ пришел не из головы, а откуда-то изнутри, из того места, где еще теплилась память о том, кем он был. Человек не добивает раненого. Человек пытается помочь. Даже если это бессмысленно. Даже если это опасно. В этом и есть суть.

Адам решительно коснулся правой панели.

Контейнер зашипел, передняя стенка ушла в пол. Существо дернулось, попыталось встать, но раненая лапа подломилась, и оно рухнуло на бок, жалобно заскулив. Адам, не раздумывая, шагнул внутрь и опустился на колени рядом со зверем.

— Тихо, тихо, — прошептал он, протягивая руку. — Я не причиню тебе вреда.

Зверь замер, глядя на него янтарными глазами. Адам осторожно коснулся серебристой шерсти на шее. Она была

мягкой, теплой, и под ней бился частый, испуганный пульс. Рана на боку оказалась глубже, чем он думал, — рваная, с оплавленными краями, словно от выстрела из энергетического оружия.

— Я не знаю, как тебе помочь, — сказал Адам, и его голос дрогнул. — Я даже не знаю, кто я сам. Но я не убью тебя. Слышишь? Я не стану.

Зверь моргнул. А затем произошло нечто странное. Его янтарные глаза вспыхнули изнутри, и Адам почувствовал, как в его сознание вливается поток образов. Не слов — картин, ощущений, эмоций. Он увидел бескрайние леса под чужим, фиолетовым небом. Стаю таких же существ, бегущих через высокую траву. Вспышку — захват, клетку, боль. И последнее: детеныша, маленького, дрожащего, оставшегося где-то там, в том далеком мире, одного, без защиты.

Зверь был матерью. И она умирала здесь, в чужой клетке, вдали от своего детеныша, ради чьей-то жестокой игры.

Адам почувствовал, как к горлу подступает комок. Он не помнил, была ли у него семья, были ли дети. Но эта чужая боль отозвалась в нем так, словно была его собственной.

— Я найду твоего детеныша, — сказал он тихо, глядя в гаснущие янтарные глаза. — Обещаю. Я найду его и помогу.

Зверь издал последний, долгий выдох. Свет в глазах погас. Тело обмякло. Таймер на экране замер на отметке 01:23, и надпись сменилась:

«ВЫБОР СДЕЛАН. ПРОТОКОЛ: НЕСТАНДАРТ-

НЬЙ. АНАЛИЗ...»

А потом мир взорвался знанием.

Это было не похоже на предыдущие загрузки — шахматы или схему дрона. Это было откровение. Всепоглощающее, безжалостное, как удар под дых. Адама подбросило, он рухнул на колени посреди платформы, хватаясь за голову, потому что в череп вливалась Вселенная.

Он увидел Землю. Не из космоса — изнутри. На уровне клеток. Яйцеклетка. Самая обычная человеческая яйцеклетка, готовая к делению. Сперматозоид проникает сквозь оболочку. Ядра сливаются. И... ничего. Тишина. Механизм, который должен запустить каскад делений, заблокирован. Кто-то встроил в саму ткань жизни крошечный предохранитель и перевел его в положение «выкл.».

Он увидел женщин. Миллионы женщин по всей планете. Кто-то плакал, глядя на отрицательный тест. Кто-то сидел в кабинете врача, слушая приговор: «бесплодие неясной этиологии». Кто-то просто смотрел в окно, понимая, что будущего больше нет. Не будет детей. Не будет внуков. Человечество — последнее поколение. Еще пятьдесят, шестьдесят, семьдесят лет — и тишина. Планета без людей. Города, заросшие лесом. Книги, которые некому читать. Музыка, которую некому слышать.

Кураторы. Это были они. Адам не знал, как они выглядят, но он почувствовал их присутствие — холодное, отстраненное, изучающее. Для них земная жизнь была лишь перемен-

ной в уравнении. Эксперимент. Они встроили блокиратор не из злобы, а из любопытства. «Что сделает вид, лишенный будущего? Как он поведет себя перед лицом медленного, неизбежного конца?»»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.